

ВЕТВЛЕНИЕ — ЭТО НЕ БАГ, А ФИЧА: ТОЖДЕСТВО ЛИЧНОСТИ И ЮРИДИЧЕСКАЯ (МОРАЛЬНАЯ) ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Перспективные разработки в области компьютерных и нанотехнологий дают нам основания полагать, что существует определенная вероятность появления (возможно, уже в этом столетии) технологий и устройств для создания дубликатов людей. Например, психология человека могла бы быть эмулирована с помощью компьютерной платформы для создания дубликата личности — 'выгрузки'. Физические дубликаты могли бы быть напечатаны продвинутыми нанороботами, которым молекула за молекулой поручено создавать точные копии человеческих тел. Подобные технологические возможности часто обсуждаются в философской литературе под видом (гипотетических) примеров 'деления', когда один человек 'расщепляется' на две точные копии. Чтобы исключить такие примеры, многие философы (возможно, даже большинство) отвергают идею деления, апеллируя к некоторой версии условия 'неразветвленности'. Я же, напротив, утверждаю, что есть веские моральные основания считать любое объяснение тождества личности, не допускающее деления, глубоко проблематичным, особенно в свете теоретизирования об уголовном наказании. Я рассматриваю и отвергаю известную теорию тождества личности Дэвида Льюиса, в основе которой есть тезис о 'множественном занятии', обеспечивающий возможность ветвления. Взамен, я предлагаю принять теорию тождества личности, которая, допуская ветвление, использует понятия тип/токен для правильного описания таких головоломных примеров.

Ключевые слова: тождество личности, Дэвид Льюис, нанотехнологии, ветвление и тождество, ретрибутивизм, сдерживание.

1. Технологии и тождество личности. Развитие технологии вынуждает нас переосмысливать отношения между тождеством личности и юридической (моральной) ответственностью. Так, в частности, есть определенные шансы, что философские мысленные эксперименты по 'делению' личности могут стать реальностью с помощью продвинутых технологий 'дубликации'¹. Например, технология нанороботов делает подобное деление вполне возможным: только представьте себе, что автоматы размером с молекулу могут создавать чертежи мозга и тела человека на молекулярном уровне. Для этого понадобилась бы инвазивная (но, вероятно, безболезненная) процедура: армия миниатюрных нанороботов прошла бы через ваш мозг, регистрируя расположение каждой его молекулы. Используя полученный таким образом чертеж мозга, нанороботы могли бы построить его точную молекулярную копию. Разумеется, сейчас мы не имеем таких возможностей, нанороботы — это лишь концепт будущей технологии. Однако многие считают, что есть реальная

вероятность того, что они появятся уже в этом столетии². Другая перспективная технология заключается в использовании чертежа мозга для создания 'загрузки' (виртуальной личности) — компьютерной программы, которая поддерживает идеальную симуляцию молекулярных взаимодействий внутри мозга. В этом случае будет казаться, что такая загрузка имеет все те же воспоминания, убеждения, желания и т.д., что и оригинальный мозг [4; 5].

Здесь я буду говорить именно о физическом дубликате, чтобы не рассматривать вопрос о том, действительно ли совершенная симуляция подобной загрузки имеет подлинные ментальные состояния, а не просто имитирует такие состояния³. Если кто-то считает, что загрузки будут иметь ментальные состояния, а не только просто их имитировать, тогда поставленные мной проблемы в равной степени применимы и к таким загрузкам (виртуальным личностям).

Один из наиболее интригующих философских вопросов, связанных с темой деления/дубликации, —

популяционный, а именно: какое число индивидов задействовано в этом процессе⁴? В случаях, когда некоторое человеческое тело *B1* копируется для создания дубликата *B2*, есть как минимум три ответа на популяционный вопрос.

(1) Есть две личности: *X* обитает в теле *B1*, а созданная в процессе дубликации *Y* — в теле *B2*.

(2) Есть две личности: до процесса дубликации *X* и *Y* обитают в одном и том же теле *B1*, после чего у них появляются собственные тела *B1* и *B2*.

(3) Есть только одна личность *X*, которая первоначально обитала в теле *B1*, а затем, после дубликации, обитает как в теле *B1*, так и в теле *B2*.

Решение (1) наиболее популярно среди философов. Решения (2) и (3) являются вариантами идеи 'ветвления' личности. В случае (2) две личности какое-то время находятся в одном теле и затем 'разветвляются' по двум отдельным телам. В случае (3) одна личность 'разветвляется', чтобы сразу заселить два разных тела.

Я намерен показать, что такой популяционный вопрос тесно связан с нашими понятиями моральной и юридической ответственности. На мой взгляд, при определенных обстоятельствах дубликаты могли бы нести ответственность за действия своего оригинала, поскольку в некотором смысле они являются одной и той же личностью. Это странное утверждение требует принять теорию тождества личности, которая допускает ветвление, — вопреки взглядам многих (если не большинства) философов. Я буду выступать против решения (2), а именно: против теории тождества личности с тезисом множественного занятия Дэвида Льюиса, в пользу решения (3), предлагая с этой целью собственную теорию типов/токенов.

2. Идеальное преступление? Для лучшего понимания взаимосвязи наших концепций тождества личности и юридической (моральной) ответственности воспользуемся мысленным экспериментом.

Весной 1945 года по мере продвижения американцев с запада и советских войск с востока даже самым фанатичным сторонникам Гитлера стало ясно, что война проиграна⁵. Тем не менее у них был план на этот случай. Пару лет назад нацистские ученые нашли основанную на продвинутой нанотехнологии машину-дубликатор, оставленную высокоразвитыми инопланетянами: она сканирует на атомном уровне структуру любого физического объекта, включая живой организм, и потом атом за атомом создает его точный дубликат из частиц окружающей среды. Зная об этом, Гитлер дал машине инструкцию создать его дубликат. Для проведения процедуры сканирования и создания дубликата Гитлер был под наркозом. Пока Гитлер и его дубликат были без сознания, хирурги вживили им под кожу специальные идентификационные чипы, чтобы их различать. Когда они очнулись после операции, ни Гитлер, ни его дубликат не могли сказать, кто из них двоих был оригиналом. Оба утверждали, что помнят, как перед операцией им вводили наркоз. Оба помнили о том, как они отдавали приказы о начале войны с большей частью европейских наций и окончательном решении еврейского вопроса, своих проблемах с метеоризмом и т.д. Убедившись в успехе процесса дублирования, оба рассмеялись, наслаждаясь мыслью о том, как юридические и моральные принципы стран Антигитлеровской Коалиции не позволят отдать под суд дубликат Гитлера.

Незадолго до того момента, как советские солдаты ворвались в бункер Гитлера, финальный этап

плана по совершению идеального преступления был наконец реализован. Путем извлечения подкожных чипов личность подлинного Гитлера была установлена, после чего он покончил жизнь самоубийством. (Чтобы Гитлера не заподозрили в обмане, живые свидетели в лице военнопленных от каждой из стран-союзниц и видеозапись тщательно документировали весь этот процесс — от начала дубликации до вживления чипа и самоубийства.) Ворвавшиеся в бункер советские солдаты обнаружили тело Гитлера с простреленной головой. Рядом с его трупом находился смеющийся дубликат, который называл себя 'Гитлером 2.0'. Он с гордостью заявил, что жестокое убийство более шести миллионов евреев есть величайший подарок, который когда-либо в своей истории получало человечество. (Для удобства будем обозначать оригинального Гитлера *H1*, а его дубликат — *H2*.)

К удивлению для *H2*, его немедленно арестовали. Он пытался протестовать, твердя о том, что на момент событий, которые ему ставят в вину, он еще даже не существовал. *H2* заявлял, что законы стран-союзниц Антигитлеровской Коалиции запрещают судебные преследования заведомо невиновного лица. Но арестовавший *H2* офицер был непреклонен, он ответил, что не имеет полномочий расследовать его роль в военных преступлениях, поэтому *H2* будет передан судьям Нюрнберга, которые и займутся его дальнейшей судьбой.

3. Линия защиты *H2*. На суде в Нюрнберге защита *H2* привела следующие доводы:

(D1) Если *X* совершил преступление, *X* должен быть за них наказан.

(D2) *H2* не совершал никаких преступлений против человечества, в которых его обвиняют.

(DC) Следовательно, *H2* не должен нести наказание за преступления против человечества, в которых его обвиняют.

В поддержку (D1) защита утверждала, что основная функция уголовного права заключается в привлечении к ответственности тех, кто совершает преступления. Защита одобрительно цитировала мысли Фрэнсиса Герберта Брэдли о целях и назначении наказания: «Наказание является наказанием, только когда оно заслужено. Человек расплачивается, потому что у него есть долг, и только поэтому; и если для наказания находится иная причина, чем заслуженность в силу действия из злого умысла, — то здесь мы сталкиваемся с грубым нарушением морали, вопиющей несправедливостью и гнусным преступлением, а вовсе не с тем, чем претендует быть наказание» [7, р. 26–27]. Также защита одобрительно цитировала и слова Джона Ролза: «Невиновный может быть наказан только по ошибке; преднамеренное 'наказание' невиновного есть не что иное, как преступный подлог» [8, р. 8].

В поддержку (D2) защита приводила такой аргумент:

(I) *H1* и *H2* не тождественны.

(II) Лишь один из них совершил преступления против человечества.

(III) Преступления против человечества совершил *H1*.

(D2) (Следовательно) *H2* не совершал преступлений против человечности, в которых его обвиняют.

В поддержку (I) защита апеллирует к очевидности: если *X* и *Y* тождественны, значит, любое утверждение истинное для *X*, должно быть истинно и для *Y*. Но для *H1* истинно, что он мертв на момент суда, тогда как для *H2* это ложно. Выходит, *H1* и *H2*

не тождественны. Из того, что *H1* и *H2* психологически похожи, не следует, что они являются одной и той же личностью.

В поддержку (II) защита указывает на то, что сами обвинения касаются только одного индивида. Очевидно, что в зверствах во время Второй мировой войны было много виновных, но в рассматриваемых на этом суде преступлениях обвиняется вполне конкретный человек, а именно — Адольф Гитлер. В преступлениях, связанных с выполнением приказа об окончательном решении еврейского вопроса, виновен исключительно Адольф Гитлер. К выполнению приказа были причастны и другие лица, но это — отдельные обвинения.

В поддержку (III) защита утверждает, что именно *H1* несет прямую личную ответственность за все эти чудовищные преступления. Если бы *H1* был жив, ни у кого не было бы никаких сомнений относительно того, кто именно должен понести ответственность за преступления, и против *H1* было бы выдвинуто соответствующее обвинение. Защита считает, что лишь по причине смерти *H1* и невозможности суда над ним обвинение предъявлено *H2*.

В своем выводе защита заявляет, что представленные доводы неопровержимы, и, поскольку основной аргумент защиты (D1) — (D2) — (DC) действителен по форме (*modus tollens*), судьи обязаны оправдать *H2*.

4. Линия обвинения *H2*. Доводы обвинения основываются на сдерживающей функции закона:

(P1) Если *H2* не понесет наказания, произойдет значительный, а может быть, даже и катастрофический рост преступности.

(P2) Мы не должны допускать значительного и уж тем более катастрофического роста преступности.

(PC) Следовательно, *H2* должен понести наказание.

В поддержку (P1) обвинение обращает внимание на тот факт, что возможность резкого роста совершаемых преступлений отчасти обусловлена тем, что технология дубликации теперь находится в широком доступе. Не трудно себе представить, что как только инoplanетное устройство было названо 'машиной-дубликатором', одним из первых экспериментов, проведенных с ней, стала проверка того, может ли она создать копию самой себя. Поскольку эксперимент оказался успешным, технология стала широкодоступной.

Здесь стоит сделать паузу и рассмотреть аналогию между работой компьютеров и нанотехнологиями. Одна из самых замечательных способностей компьютеров — настолько универсальная, что ее легко не заметить, — заключается в том, что они невероятно эффективны в создании копий программ и файлов. Только представьте себе, что произойдет, если вышеупомянутый сценарий загрузки будет реализован когда-нибудь в будущем. Откроется возможность создавать тысячи, миллионы или даже миллиарды совершенных копий одной и той же личности. Одна часть из них могла бы жить в виртуальном мире, другая — в специальных роботизированных телах. Аналогичным образом, использование нанотехнологий для создания совершенных атомных копий позволит напечатать тысячи, миллионы или даже миллиарды физически идентичных дубликатов одного и того же индивида. Все эти копии могли бы быть созданы с помощью практически ничем не ограниченного числа доступных наноботов, поскольку вполне вероятно,

что наноботы будут способны создавать дубликаты самих себя [подробнее см.: 2]. Таким образом, в будущем, где широко доступна дубликация вроде продвинутых нанотехнологий, отказ от наказания *H2*, несомненно, придаст смелости многим потенциальным преступникам. Представьте, ваш сосед затаил на вас обиду, потому что вы вежливо попросили его не стричь газон в шесть утра. И он решает вам отомстить. Жестоко расправившись с вами, он дублицирует себя с помощью своих домашних наноботов. Когда приезжает полиция, оригинал кончает жизнь самоубийством, а его дубликат просто насмехается над ней и спокойно уходит.

Обвинение дополнительно подкрепляет свою позицию, подчеркивая, что даже небольшая горстка людей с такой технологией может спровоцировать социальную катастрофу. Если сосед убьет вас за мнимое нарушение его права на стрижку газона, легко представить, что он тем же самым способом может устранить и своего босса, а затем решит отомстить за мелкое оскорбление, нанесенное ему в колледже два десятка лет назад. Выходит, что появится группа лиц грабящих, убивающих, насилующих и т.д., которые безнаказанно дублицируют себя всякий раз, как только полиция пытается их схватить, избегая тем самым какой-либо юридической ответственности и становясь катастрофой для общественного порядка. В подобном случае мы сможем наблюдать и то, как рушатся сами основы гражданского общества, ведь те, кто изначально не хотел использовать эту технологию, увидят в ней лучшее средство для свершения правосудия. Представьте, как ваш сын, возмущенный вашим убийством из-за ссоры с соседом, дубликат которого теперь спокойно разгуливает на свободе, решает использовать технологию дубликации тем же самым образом: убивает дубликат соседа, а затем дублицирует себя, чтобы избежать наказания.

Может показаться, что достаточно просто объявить вне закона использование машины-дубликатора для копирования личностей, но это не было бы решением проблемы. Представим, что такой юридический запрет действовал бы в тот момент, когда *H1* использовал машину-дубликатор для создания *H2*. В этом случае *H1* мог бы признаться в намеренном нарушении юридического запрета на дубликацию наряду со своими многочисленными преступлениями против человечества, а затем покончить жизнь самоубийством. Любая попытка судебного преследования *H2* за незаконное использование машины-дубликатора была бы отбита тем же самым аргументом, а именно: в данном преступлении виновен *H1*, а не *H2*. Выходит, одна лишь угроза судебного преследования мало что дает нам для сдерживания потенциальных преступников, если их дубликаты остаются безнаказанными. Можно надеяться на то, что в технологию дубликации будет встроена какая-то функция, которая предотвратит попытки незаконного копирования личностей. Возможно, это могло бы уменьшить вероятность появления подобных дубликатов, однако всегда есть опасность, что кто-то найдет способ обойти защиту. Достаточно вспомнить о многочисленных способах обхода защиты от копирования лицензионных фильмов и музыки. Несмотря на драконовские законы, запрещающие копирование и обмен такими файлами, попытки встроить в компьютеры технические возможности загружать только легально приобретенные фильмы и музыку, пиратство в сфере защищенных авторским правом материалов процветает

многие десятилетия. В любом случае, считать это успешным решением философской головоломки о статусе личностей-дубликатов, все равно что считать решением философского вопроса об абортах дозволение беременеть только таким женщинам, которые хотят выносить ребенка.

5. Две функции установленного законом наказания. Противоборство доводов защиты и обвинения, судя по всему, отражает более глубокий конфликт двух соперничающих взглядов на принципы обоснования установленного законом наказания. По мнению ретрибутивистов, основная цель наказания заключается в возмездии преступникам. Обычно считается, что ретрибутивистские теории 'обращены в прошлое', в том смысле, что их взоры направлены в прошлое на тот момент времени, когда было совершено преступление, чтобы оценить, должна ли представшая перед судом личность понести за него наказание. С точки зрения ретрибутивистов, совершенное в прошлом преступное действие заслуживает наказания, даже если такое наказание не принесет никакой пользы в будущем, — скажем, не перевоспитает преступника и не удержит других людей от совершения подобных преступлений.

С точки зрения сдерживающего подхода к уголовному наказанию, значением обладает будущее благо, возникающее в случае исполнения наказания. Иными словами, наказание оправданно лишь в той мере, в какой оно сдерживает потенциальных преступников от совершения преступных действий в будущем. Все мы спим немного спокойнее, зная, что хотя бы некоторых потенциальных убийц и насильников отпугивает мысль о том, что они будут пойманы и наказаны официальными властями.

В обычных обстоятельствах функции возмездия и сдерживания совместимы: если мы наказываем преступника, поскольку он того заслуживает, мы тем самым одновременно сдерживаем потенциальных преступников. Когда же мы наказываем его для того, чтобы сдержать рост числа совершаемых преступлений в будущем, мы можем (пусть даже и не безошибочно) воздать всем виновным в преступлениях по заслугам.

Важность каждой из функций правосудия можно оценить, если представить сценарии, в которых действует только одна из них. Рассмотрим сначала случай, когда наказание реализует возмездие, а функция сдерживания заблокирована. Как мы отмечали выше, сам факт наказания за совершенное преступление уже выполняет сдерживающую функцию в обществе. Поэтому нам нужно представить себе ситуацию, когда общество не знает о том, что в действительности в отношении преступника наказание приведено в исполнение. Например, мы могли бы вообразить особого рода судебный подлог: допустим, официальные лица публично заявляют, что некий преступник не был наказан за свое преступление. Специально нанятый актер изображает этого преступника, который якобы живет на свободе, как ни в чем не бывало ходит в кафе и магазины, путешествует на самолете по всему миру и т.д. Сам же преступник сидит в тюрьме, просто в обществе об этом никто не знает. Это может сработать в ряде отдельных случаев, однако трудно представить, чтобы какое-то государство решило практиковать подобного рода правосудие на регулярной основе. Общество быстро узнает о подмене настоящих преступников актерами, если государство станет делать такое слишком часто. Всегда будет некоторый круг официальных лиц, ко-

торые будут знать, что преступников держат в тайном заключении. Если их будет достаточно много, *Homo rumourous*⁶ быстро распространит информацию об этой государственной тайне.

Для отделения на практике функции возмездия от функции сдерживания нам придется вообразить весьма неправдоподобный для многих сценарий. Допустим, что всякий раз, как совершается преступление, государство официально отказывается применять установленное законом наказание, но Бог, в тайне от всех, подменяет преступника бездушным роботом. Предположим, что эти роботы ведут себя в жизни точно так же, как и люди, которых они подменяют. Тогда благодаря вмешательству Бога мы имеем идеальный подлог: никто не знает, что преступники были заменены бездушными роботами. Правда, в этом сценарии следует ожидать резкого роста преступности. Без официальной угрозы наказания нет ничего, что могло бы сдерживать людей от совершения преступлений. Не нужно думать при этом, что все поголовно начнут совершать преступления, достаточно лишь представить, что уровень преступности резко возрастет. И, как мне кажется, в этом случае распад любого цивилизованного общества не заставит себя долго ждать. Зачем ходить на работу, если вы понимаете, что все ваши доходы могут быть легко украдены и государство ничего не сделает для их защиты? Зачем вообще покидать свой дом, если известно, что государство не намерено защищать своих граждан от убийства или грабительского нападения? Вот вопросы, на которые должны быть ответы, если мы действуем в рамках этого воображаемого сценария.

Впрочем, по мнению ретрибутивистов, нам не на что жаловаться. Преступники получают заслуженное наказание в полном согласии с функцией возмездия. Бог, как показано выше, карает всех виновных в преступлениях, просто никто из граждан либо даже официальных лиц об этом не знает. Тем не менее весьма вероятный распад цивилизованного общества в конце сценария свидетельствует о том, что любая теория наказания, игнорирующая ценность функции сдерживания (возможно, как дополнение к возмездию), является ошибочной и бесполезной на практике.

Другой сценарий, который следует рассмотреть, — это когда функция сдерживания действует, функция же возмездия, напротив, заблокирована. Представьте, что в городе произошла серия нападений банд хулиганов на граждан. Полиция не может найти и задержать виновных, поэтому подбрасывается улики двум невиновным людям. Прессе сообщается ложная информация о том, что полиция разработала новые методы уголовного расследования, в результате применения которых всех потенциальных хулиганов ждут неизбежные аресты. Допустим, что распространение этой ложной информации приводит к резкому сокращению числа нападений. В подобном сценарии функция сдерживания отделена от функции возмездия, ведь, по мнению ретрибутивистов, невиновные люди не заслуживают наказания.

Но что будет с обществом, если в нем на регулярной основе начнут подставлять и наказывать невиновных людей? Поможет ли это отделить функцию возмездия от функции сдерживания? Мне кажется — нет. Чем чаще государство будет бросать в тюрьмы невиновных людей, тем выше вероятность того, что обществом станет об этом известно. И чем большее число граждан будет знать об этом,

тем слабее станет функция сдерживания. Когда потенциальный преступник знает, что полиция вряд ли станет его разыскивать, а вместо этого предпочтет подставить и наказать какого-нибудь невиновного человека, это снижает страх уголовного наказания.

Наказание случайных невиновных людей — не очень эффективная мера для масштабных проектов сдерживания, хотя более избирательная форма наказания невиновных вполне может сработать. Представьте, что в качестве меры наказания преступника полиция бросает в тюрьму одного или нескольких его близких. Полиция выясняет, о ком преступник заботится больше всего (например, о детях, родителях, своем супруге, друге и т.д.), а затем их наказывает. Во многих случаях это может сработать как эффективное средство сдерживания. Только представьте, что уголовное наказание в обществе определяется следующим образом: психологи, нанятые государством, определяют, как сильно преступник ценит других людей. Если он никем в своей жизни не дорожит, то наказание применяется к нему самому. Если он больше заботится о своих родителях или детях, то наказываются родители или дети. В случаях, где наказаны близкие, а не сам преступник, мы будем иметь строгое разделение функций возмездия и сдерживания. И если подобная практика в целом приемлема для нас, это дает нам необходимые основания для наказания *H2*. Аргументом может быть то, что *H1* слишком сильно заботился о *H2*, а значит, в обществе, где закон обязывает наказывать близких, наказание *H2* имеет смысл.

Выше защита уже приводила доводы против наказания невиновных. Она цитировала высказывание Брэдли о том, что «... здесь мы сталкиваемся с грубым нарушением морали, вопиющей несправедливостью и гнусным преступлением, а вовсе не с тем, чем претендует быть наказание» [7, р. 27]. А также заявляла, что Ролз считает умышленное наказание невиновных 'преступным подлогом'. Ролз при этом столь радикален, что фактически говорит о неправильном использовании термина 'наказание' применительно к ситуациям умышленного наказания невиновных, предлагая вместо него новый термин 'телевание' (telishment) [8, р. 11]. Согласно Ролзу, воображаемые ситуации, в которых невиновные страдают за преступления других лиц, являются примерами телевания, а не наказания.

Итак, кажется, есть очень веские моральные и юридические основания считать, что правовые санкции должны включать в себя как функцию возмездия, так и функцию сдерживания. Поэтому мы стоим перед трудным выбором: если *H2* будет подвергнут телеванию, это нарушит принцип возмездия, поскольку в этом случае наказание налагается на невиновное лицо. Если *H2* не будет подвергнут телеванию, это нарушит принцип сдерживания, так как откроет дорогу новым преступлениям. В итоге мы остаемся перед лицом этой трагической дилеммы.

Напомним также, что рассматриваемый нами пример не является единичным, скорее он выступает моделью того, как мы будем реагировать на мир, где широко доступны машины-дубликаторы. Трагическая дилемма, таким образом, может быть сведена к следующему вопросу: должны ли мы подвергать телеванию невиновный дубликат преступника ради того, чтобы сдерживать потенциальный рост преступности в будущем, или же должны позволить

ему избежать телевания, зная о том, что в будущем это спровоцирует некоторых (а возможно, и очень многих) людей использовать технологию дубликации для совершения преступлений?

6. Ветвление — это не баг, а фича. Наша дилемма столь запутана, что имеет смысл заново взглянуть на базовые предпосылки, которые нас к ней привели. В частности, таковыми были заявления защиты о том, что *H2* не совершал преступлений против человечества, в которых он обвиняется. По общему мнению, сложно даже представить, как вообще можно правдоподобным образом отрицать эти заявления защиты, поскольку на момент событий, фигурирующих в обвинении, *H2* просто-напросто еще не существовал. Но предположим на мгновение, что мы могли бы показать, что *H2* несет за них ответственность. Это моментально решило бы нашу дилемму: если *H2* несет ответственность за преступления против человечества, то, наказывая *H2*, мы осуществляем возмездие. И если *H2* будет нами наказан за эти преступления, то мы реализуем функцию сдерживания.

Наиболее очевидным возражением против такого решения является то, что сам факт возложения нами ответственности на *H2*, по всей видимости, предполагает некоторую форму 'ветвления' личности, а это отвергается многими философами (возможно, даже большинством), которые занимаются условиями сохранения тождества личности. Как уже было отмечено выше в разделе 1, где мы обсуждали ответы (2) и (3) на популяционный вопрос, идея ветвления необходима в тех случаях, когда тезис 'одна личность/одно тело' перестает работать. В случае (2) существует несколько личностей, которые могут какое-то время обитать в одном теле, и затем 'разветвляться' на отдельные тела. В случае (3) одна личность изначально обитает в одном теле, но позднее 'разветвляется', чтобы заселить два (или более) отдельных тела.

Для лучшего понимания идеи ветвления рассмотрим известный пример Дерека Парфита. Он предлагает представить следующую ситуацию: «Мое тело необратимым образом травмировано, как и мозги двух моих братьев. Мой мозг разделен, и каждая половина успешно трансплантирована в тело одного из моих братьев. Каждый из получившихся таким образом людей думает, что он — это я, и ему кажется, что он помнит всю прожитую мою жизнь, имеет мой характер и во всем остальном психологически непрерывен со мной. Он даже имеет тело, очень похожее на мое собственное» [1, р. 254–255].

Назовем получившихся после операции по пересадке полушарий мозга людей 'Левшой' и 'Правшой'⁷, а донора мозга, или человека до операции — 'Оригиналом'. Рассмотрим сперва, что нам говорит 'стандартная теория' психологической преемственности:

Стандартная теория психологических критериев тождества: *X* и *Y* являются одной и той же личностью, если и только если между *X* и *Y* существует психологическая преемственность.

Стандартная теория, видимо, приводит нас к следующему абсурдному выводу:

(i) Левша и Оригинал тождественны, потому что между ними существует психологическая преемственность.

(ii) Правша и Оригинал тождественны, потому что между ними существует психологическая преемственность.

(iii) Левша и Правша не тождественны.

Эти выводы абсурдны, если принять тезис о том, что истинные высказывания о тождестве транзитивны. Но в этом случае триада наших высказываний (i) – (ii) – (iii) содержит противоречие. И поэтому в действительности должно быть так: либо Левша и Правша — это одна и та же личность, либо Левша или Правша (а может быть, и они оба — и Левша, и Правша) не тождественны Оригину. Чтобы избежать подобных проблем, к критерию психологической преемственности обычно добавляется оговорка о 'не-разветвленности'. Вот, для примера, формулировка критерия психологической преемственности, предложенная Парфитом, в которой есть оговорка об отсутствии ветвления:

Теория психологических критериев тождества с запретом на ветвление: «Этот критерий мы можем кратко представить следующим образом: 'X и Y являются одной и той же личностью, если они состоят в отношениях психологической преемственности, и не существует никого, кто современен одному из них, но состоит при этом в отношениях психологической преемственности с другим'» [10, с. 98].

Теория с запретом на ветвление позволяет защитникам психологической преемственности отрицать, что Правша и Левша тождественны Оригину, так как это нарушает условие об 'отсутствии ветвления': Правша и Левша существуют одновременно, и оба состоят в отношениях психологической преемственности с Оригином. В соответствии с оговоркой об отсутствии ветвления, мы должны отрицать, что Левша и Правша совместно обитали в теле, известном как 'Оригинал', если только мы не хотим нарушить условие, согласно которому две личности могут быть современниками и состоять в одном и том же отношении психологической преемственности.

Защита *H2* пользуется запретом на ветвление, чтобы подкрепить свои доводы о том, что *H2* не должен нести ответственность за преступления против человечества. Давайте взглянем еще раз на две посылки дополнительного аргумента защиты:

(I) *H1* и *H2* не тождественны.

(II) Лишь один из них совершил преступления против человечества.

Как мы знаем, есть два разных способа отрицать запрет на ветвление, каждый из них предполагает атаки одной из этих посылок. Теория множественного занятия Дэвида Льюиса отказывается от посылки (II). По мнению Льюиса, две отдельные личности одновременно обитают в одном теле вплоть до момента дубликации. Ниже мы оценим правдоподобность этой теории, но, если временно предположить, что она верна, у нас есть основания отвергнуть посылку (II).

Если *H1* и *H2* совместно занимали одно тело в момент совершения преступлений против человечества, суд имеет полное право наказать *H2*, реализуя тем самым как функцию возмездия, так и функцию сдерживания. Другой способ отрицания запрета на ветвление предлагает теория типов/токенов: она считает, что *H1* и *H2* в определенном смысле тождественны. Опять же, ниже мы оценим правдоподобность такой теории, но если, в свою очередь, предположить, что она верна, тогда у нас есть основания отвергнуть посылку (I). Если *H1* и *H2* тождественны (в определенном смысле), тогда суд может вполне оправданно наказать *H2*, реализуя при этом обе функции — и возмездия, и сдерживания.

Итак, одна из причин считать, что теория личности, допускающая ветвление, является фичей, а не багом, состоит в том, что она дает решение правовой дилеммы, связанной с функциями возмездия и сдерживания. Другая причина заключается в общих методологических соображениях. Работая с теориями тождества личности, мы замечаем, как тесно они связаны (явно или неявно) с так называемым методом 'рефлексивного равновесия' Ролза. Ключевая идея данного метода — это поиски правильного баланса между философской теорией и нашими обоснованными суждениями о конкретных примерах. Здесь стоит напомнить о резкой негативной общественной реакции на тезис о том, что *H2* невиновен. Разумеется, любой из нас был бы глубоко оскорблен самим фактом, что кто-то, вроде *H2*, восторженно приветствует Холокост и нагло смеется над его невинными жертвами, однако это не может стать объяснением всего набора причин для негативной общественной реакции на *H2*. Скорее такая реакция как-то связана с идеей, что *H2* некоторым образом ответственен за чудовищные преступления против человечества. Такая реакция настолько сильна, что почти наверняка *H2* — даже если бы суд и признал невиновным — нуждался бы в круглосуточной защите от народных мстителей. Абсолютное большинство общества считало бы, что *H2* должен поплатиться за эти преступления. Аналогичным образом многие нацисты, несомненно, прославляли бы чудом спасенный гений Гитлера за то, что ему удалось избежать правосудия, почитая *H2* так, как будто это действительно он совершал злодеяния, в которых его обвиняли.

Защитники теории с запретом на ветвление могут сказать, что эти негативные общественные реакции на *H2* просто ошибочны. Но запрет на ветвление требует значительных затрат. Цена, которую придется заплатить, — поиск убедительного объяснения, как такое множество людей может заблуждаться в своем понимании тождества личности, в то время как противникам запрета на ветвление ничто не мешает принимать подобные общественные реакции за чистую монету.

Я вовсе не хочу сказать, что эти две причины предопределяют окончательный отказ запрета на ветвление. Скорее они дают нам, по крайней мере *prima facie*, основания для этого. А вот достаточны ли они или нет, зависит (частично) от того, сможем ли мы разработать теорию тождества личности, допускающую ветвление, выводы из которой не приведут нас к еще более неприемлемым результатам. В следующем разделе я покажу, что теория множественного занятия Льюиса на самом деле имеет некоторые неприятные следствия, тогда как теория тождества типов/токенов кажется более многообещающей.

7. Четырехмерный подход: Дэвид Льюис о ветвлении. Представить, что такое четырехмерность в теории тождества личности Льюиса, помогает следующая иллюстрация: автомобильные шоссе порой имеют общие участки дорожного полотна. Например, шоссе, идущее с востока на запад, может иметь пару миль общего дорожного полотна с шоссе, идущим с севера на восток. Аналогичным образом, четырехмерный подход принимает утверждение о существовании у объектов общих временных частей: две личности могут разделять один отрезок времени. Применительно к нашей проблеме, Льюис сказал бы, что две личности — *H1* и *H2* — занимают одно тело в течение определенного отрезка време-

ни. И только после процесса дубликации *H2* занял другое (новое) тело, но в биографиях *H1* и *H2* были временные этапы, когда они существовали совместно в одном и том же теле. Выходит, в преступлениях против человечества, которые были совершены в ходе Второй мировой войны (равно как и до ее начала), участвовали обе личности. Как уже отмечалось выше, это позволяет Льюису отвергнуть одну из посылок дополнительного аргумента защиты, а именно:

(II) Лишь один из них совершил преступления против человечества.

Льюис бы в этом случае сказал, что вплоть до момента дубликации *H1* и *H2* проживали абсолютно одинаковые параллельные жизни, и, значит, все, что делал *H1*, делал и *H2*, и наоборот.

Что бы мы ни думали в конечном счете об этой теории, но она предлагает нам решение проблемы. Поскольку *H1* и *H2* занимали одно и то же тело в момент совершения преступлений против человечества, они оба подлежат наказанию. И хотя с помощью самоубийства *H1* избежал заслуженного наказания, *H2* все еще жив и является равноценным объектом для наказания. В данном случае нам не нужно выбирать между возмездием и сдерживанием, поскольку четырехмерный подход признает справедливость наказания *H2*, позволяя тем самым реализовывать обе эти функции правосудия.

Несмотря на то, что четырехмерный подход способен предложить решение для дилеммы с наказанием *H2*, он имеет ряд серьезных недостатков в применении к другим случаям. Вот, например, один из них: допустим, вы предлагаете своим друзьям 10 долларов в час за помощь при переезде. Стиклер⁸ задает вам, казалось бы, невинный вопрос: «Вы платите 10 долларов в час каждому, кто вызовется помогать?». Вы отвечаете утвердительно, и Стиклер помогает вам в течение 1 часа, после чего требует 110 долларов. Он утверждает, что в будущем пройдет процедуру дубликации не менее десяти раз, поэтому в данный момент времени его тело занимают сразу одиннадцать личностей. Вы пытаетесь возразить, говоря о том, что он (в лучшем случае) сделал работу за одного, и вы ни за что на свете не будете платить такие огромные деньги. Но Стиклер настаивает на своем — он напоминает, что вы обещали платить 10 долларов в час за каждого помощника, а не за количество сделанной работы.

Можно представить и более серьезные версии подобных проблемных случаев. Предположим, человек по имени Судья должен сделать выбор между двумя неблагоприятными исходами: либо перевести стрелку на железнодорожном пути и тем самым направить неисправную вагонетку в сторону пяти человеческих тел, которые погибнут под ее колесами, либо не переводить стрелку и в результате от вагонетки пострадает только одно-единственное человеческое тело. Судья знает, что это единственное тело носит имя Ветвящийся и завтра он должен пройти процедуру дубликации. Поэтому Судья понимает, если четырехмерный подход Льюиса верен, и вагонетка не поедет в сторону Ветвящегося, одиннадцать человек будут спасены. Судья также знает, что другие пять тел в будущем никогда не станут проходить процедуру дубликации, ибо они являются членами религиозной секты *He Vetвь Давидова*⁹, которые верят, что всякая дубликация есть неискупимый грех и оскорбление глаз Божьих. Допустим, что цель Судьи — максимизиро-

вать число спасенных людей и, кажется, в данном случае он обязан направить вагонетку на пятерых сектантов. Подобное решение Судьи приходит в прямое противоречие с альтернативным суждением о том, что в действительности здесь мы имеем дело с дилеммой о спасении пяти жизней против одной, а не пяти против одиннадцати.

Обратите также внимание, что это не вопрос о максимизации числа спасаемых людей в будущем. Предположим, Судья знает, что у пятерых сектантов *He Vetвь Давидовой*, если они выживут, в будущем будет гораздо больше детей, чем у Ветвящегося и всех его дубликатов вместе взятых. Тогда в целях спасения большего числа будущих людей для него было бы правильным спасти именно сектантов, а не Ветвящегося. Но если Судья руководствуется только лишь целью максимизировать число спасенных людей в настоящем, игнорируя любые возможные обязательства перед будущими людьми, тогда пятерыми сектантами следовало бы пожертвовать, чтобы спасти одиннадцать сосуществующих в теле Ветвящегося людей. Я полагаю, что большинство из нас сочтет подобное решение Судьи абсурдом, поскольку для его принятия необходимо слишком серьезное отношение к идее о том, что в одном теле могут совместно обитать сразу одиннадцать личностей.

Хотя сам Льюис и не обсуждает такие примеры, он предвидит возражение о том, что четырехмерный подход приводит к проблеме 'перенаселения'. Ответ Льюиса состоит в том, чтобы в чисто практических целях производить подсчет населяющих тела личностей в соответствии с принципом, который он называет 'темпорально нагруженным тождеством'. Такое тождество устанавливается между временными стадиями. Принцип его использования в примерах дубликации он объясняет следующим образом: «Сколько личностей вчера пришло в центр дубликации? Мы могли бы ответить: *C1* и *C2* и больше никого, ведь сегодня *C1* и *C2* не обладают тождеством, так же как не обладают и тождеством *simpliciter*, — несмотря на то, что еще вчера они были тождественны. Если считать по тождеству-вчерашнего-дня, то приходил только один. Если считать по тождеству-сегодняшнего-дня, то приходили двое; но считать по тождеству-сегодняшнего-дня было бы как-то неестественно, поскольку речь идет исключительно о событиях вчерашнего дня. Если считать по тождеству *simpliciter*, то пришедших тоже было двое; но, говоря о вчерашних событиях, считать по тождеству *simpliciter* так же неестественно, как и считать по тождеству-сегодняшнего-дня. Таким образом, у нас есть способ счета, при котором личностей, пришедших в центр дубликации, всегда две; но есть и другой способ, при котором сначала была одна личность и только потом их стало две. Последний способ имеет очевидные практические преимущества. И неудивительно, что мы предпочитаем именно его» [11, р. 63].

Использование темпорально нагруженного тождества, как кажется, позволяет нам найти правильное решение для примеров со Стиклером и Ветвящимся. Если считать по тождеству-сегодняшнего-дня, то мы имеем только одного помощника, передвигающего мебель, которому должно быть выплачено соответствующее вознаграждение. Если считать по тождеству-сегодняшнего-дня число личностей, обитающих в теле Ветвящегося, то сейчас там на рельсах находится только одна. И поэтому Судья имеет основания направить вагонетку в сторону тела

Ветвящегося, а не переводить стрелку на пятерых сектантов *He Vetvi Давидовой*.

Проблема теории Льюиса в том, что тот же самый способ подсчета может быть использован в интересах защиты *H2*. Защита могла бы утверждать, что если для практических целей подсчета нам следует использовать темпорально нагруженное тождество, то мы должны признать, что преступления против человечества совершила только одна личность. Но мы помним, что именно эта посылка дополнительного аргумента защиты была отвергнута четырехмерным подходом Льюиса. Ключевая идея теории Льюиса состояла в том, что в преступлениях против человечества виновны обе личности — *H1* и *H2*, просто на тот момент времени, когда эти преступления совершались, обе личности находились в одном и том же теле.

Дилемма с наказанием *H2* могла бы стать для четырехмерного подхода Льюиса еще более наглядной, если бы мы представили себе следующую ситуацию: по какому-то невероятному совпадению, которое бывает только в философии, Судья из нашего примера с вагонеткой является также и судьей на уголовном процессе против *H2* в Нюрнберге. Предположим далее, что на самом деле имя 'Ветвящийся' — это лишь псевдоним Гитлера (*H1*). В дни штурма Берлина *H1* пытается скрытно бежать из Европы. Однако местные партизаны узнают его, хватают и привязывают к железнодорожным путям. Судья в момент принятия своего решения о переводе стрелки в дилемме с пятью сектантами *He Vetvi Давидовой* и Ветвящимся, не сумел раскрыть инкогнито Гитлера. Решение не переводить стрелку было основано на одних только цифрах. Подсчеты с использованием темпорально нагруженного тождества показали, что большее число личностей будет спасено, если позволить вагонетке переехать Ветвящегося (*H1*), а не пятерых сектантов. Волею судьбы вагонетка останавливается в паре сантиметров от тела *H1* и приспешники Гитлера помогают ему вернуться обратно в Берлин, где он проходит процедуру дубликации и кончает жизнь самоубийством. И вот теперь в Нюрнберге защита заявляет о том, что Судья уже принял решение использовать темпорально нагруженное тождество в случаях, когда речь идет о моральных дилеммах; следовательно, *stare decisis*¹⁰ устанавливает обязательство пользоваться темпорально нагруженным тождеством при подсчете числа личностей, вовлеченных в какое-либо преступное действие. А это значит, что преступление против человечества совершила лишь одна личность. Иными словами, Судья поступает крайне непоследовательно, принимая решение использовать в деле о вагонетке темпорально нагруженное тождество, а в деле *H2* тождество *simpliciter*.

Проблема четырехмерного подхода Льюиса очевидна: если мы используем в практических целях при подсчетах темпорально нагруженное тождество, это оправдывает наше решение заплатить Стиклеру по ставке одного помощника, как и наше намерение не переводить стрелку, позволяя вагонетке переехать Ветвящегося (*H1*). Но тогда на судебном процессе в Нюрнберге мы имеем плачевные результаты: темпорально нагруженное тождество свидетельствует в пользу того, что лишь одна личность совершала преступления против человечества. А значит, у *H2* появляется довольно весомый аргумент для защиты: *H2* не был той самой личностью, которая совершила эти чудовищные пре-

ступления. С другой стороны, если мы используем при подсчетах тождество *simpliciter*, у нас есть все необходимые для обвинения *H2* основания: он был одной из двух личностей, совершавших преступления против человечества. Но тогда мы обязаны смириться с тем, что Стиклер должен получить оплату по ставке одиннадцати помощников, а Ветвящийся (*H1*) должен быть спасен в примере с вагонеткой.

Возможно, есть какая-то принципиальная причина, по которой допустимо при подсчетах использовать темпорально нагруженное тождество в одних случаях и тождество *simpliciter* в других. В таком случае теория Льюиса может быть вполне успешно адаптирована для решения рассматриваемых нами моральных дилемм. Тем не менее наше заключение, к которому мы пришли, пока остается в силе: четырехмерный подход Льюиса в том виде, в котором он его сформулировал, не располагает каким-либо твердо установленным принципом для решения этих моральных дилемм. Последовательное применение при моральных подсчетах либо только темпорально нагруженного тождества, либо только тождества *simpliciter* приводит в некоторых случаях к очевидно неприемлемым результатам.

8. Тождество в теории типов/токенов. В этом разделе мы рассмотрим вопрос о том, может ли пара понятий тип/токен при применении к моральным дилеммам, связанным с тождеством личности, дать более приемлемые результаты. Начнем мы с использования понятий тип/токен в примерах тождества не личностей, а других объектов.

Чарльз Пирс, придумавший это различие¹¹, иллюстрирует его следующим образом: в английском языке есть только одно слово 'the', но в среднем на любой странице с текстом мы встретим не менее десятка этих слов. Очевидно, что в первом случае мы имеем дело с типом, а во втором — с токенами. Например, когда мы собираемся в книжном клубе, желая обсудить *Великого Гэтсби*, не будет ошибкой сказать, что мы принесли четыре книги, чтобы поговорить об одной книге. Причина, конечно же, в том, что в данном случае мы имеем дело с двумерным употреблением слова 'книга', где просто игнорируется разница между пониманием 'книги' как типа и 'книги' как токена. Мы читаем один и тот же тип книги, но не одни и те же токены, — у каждого из нас имеется свой экземпляр. Тип книги индивидуализируется ее содержанием; токены же книг различаются (по крайней мере частично) их физическими характеристиками. Таким образом, вопрос о том, сколько весит Великий Гэтсби, имеет смысл (если в нем есть хотя бы какой-то смысл) только в отношении конкретных токенов *Великого Гэтсби*. Сказать же, что в *Великом Гэтсби* можно насчитать 47094 слова или, к примеру, 87 токенов слова 'время', — значит, сделать утверждение о типе. Оба утверждения говорят нам об этой книге как о типе, поскольку относятся к содержанию *Великого Гэтсби*.

Порой лишь контекст, в котором делается утверждение, позволяет определить, что именно имеет в виду говорящий — тип или токен. Сравните следующие два примера: королева была убита ударом книги по голове. Обезумевший от горя король восклицает: 'Уничтожьте книгу!'. Можно представить, как именно его слуга выполнил бы этот приказ — он просто сжег бы токен книги с оставшимися на нем кровью и частичками мозга королевы. Во втором примере король в дикой ярости выкрикивает: 'Уничтожьте книгу!' — считая, что каждая

ее страница содержит грязную клевету и она губительна для его королевства. Слуга, если хочет сохранить голову на плечах, должен приложить все усилия, чтобы сжечь все существующие экземпляры книги, а не один лишь конкретный токен, попавший в руки короля. Ведь король явно обеспокоен существованием книги, понимаемой здесь как тип. Интересно, что (как правило) мы не имеем имен собственных для токенов книг, так как склонны главным образом делать прямые указания на тип книги (*Великий Гэтсби*) и лишь производным — на их отдельные токены (мой экземпляр *Великого Гэтсби*).

Аналогичным образом, используя пару понятий тип/токен, можно рассуждать и о тождестве личности. Ключевая идея этого подхода заключается в следующем: подобно токенам книги, каждый токен личности имеет определенные физические характеристики. Токены личностей различимы благодаря разным телам. Так же как разные типы книг индивидуализированы своим содержанием, типы личностей индивидуализированы психологическими состояниями. Любопытно, что в наших примерах с личностями мы сталкиваемся с противоположной проблемой: у нас есть имена собственные для токенов, а не для типов. В нашем примере два токена различаются именами собственными 'H1' и 'H2'. Однако для разделяемой этими токенами общей психологии, индивидуализирующей тип личности, нет никакого общепринятого способа именования. Поэтому мы будем называть такой тип личности 'ГИТЛЕРОМ'.

Для правильного понимания принципов теории типов/токенов следовало бы добавить многие важные детали, но сказанного уже достаточно для применения данного подхода к нашей дилемме юридической и моральной ответственности. Давайте заново рассмотрим два ключевых утверждения защиты:

(I) H1 и H2 не тождественны.

(II) Лишь один из них совершил преступления против человечества.

Устранив при помощи пары понятий тип/токен неоднозначность, мы получим следующие четыре утверждения:

(I*) H1 и H2 не тождественны как токены.

(I**) H1 и H2 не тождественны как типы.

(II*) Лишь один тип личности совершил преступления против человечества.

(II**) Лишь один токен личности совершил преступления против человечества.

Давайте теперь оценим истинность или ложность каждого из них, опираясь на принципы теории тождества типов/токенов:

(I*) — истинное утверждение. H1 и H2 имеют разные тела; этого достаточно, чтобы различать их как два разных токена, даже если они тождественны как тип.

(I**) — ложное утверждение. H1 и H2 тождественны как тип, поскольку обладают идентичным психологическим 'содержанием' и сохраняют отношения психологической преемственности.

(II*) — истинное утверждение. ГИТЛЕР является типом личности, совершившим преступления против человечества.

(II**) — истинное утверждение. H1 является токеном личности, совершившим преступления против человечества.

Если мы считаем, что простого факта различности индивидов как токенов нам недостаточно для

обоснования тезиса о том, что они не должны разделять общую для них юридическую и моральную ответственность, то у нас есть хороший ответ защите H2. Даже если H2 и является отличным от H1 токеном, он разделяет с ним один и тот же (преступный) тип личности. Иными словами, H1 и H2 — это токены ГИТЛЕРА. Аргумент защиты строится на доводе, что простого факта отсутствия тождества между H1 и H2 как токенами будет достаточно для доказательства невинности H2. Но именно этот довод защиты и отвергает теория типов/токенов.

Причина, по которой к разным токенам следует относиться по-разному с юридической и моральной точки зрения, заключается в том, что ответственность сущностным образом связана с психологическими состояниями. Но так как H1 и H2 разделяют соответствующие психологические состояния и эти психологические состояния служат локусом ответственности за преступления против человечества, они также разделяют и равную ответственность. H1 и H2 разделяют психологические состояния, так как помнят, в частности, что отдавали приказ об окончательном решении еврейского вопроса и имели намерение санкционировать его реализацию.

Таким образом, если признать, что ответственность за преступления против человечества лежит на ГИТЛЕРЕ, и на этом основании такие токены ГИТЛЕРА, как H2, могут быть привлечены к ответственности, мы получим возможность ответить на дилемму о выборе между возмездием и сдерживанием. В подобной ситуации мы можем сказать, что H2 несет ответственность за преступления против человечества и поэтому заслуживает наказания. И так как H2 будет привлечен к ответственности за преступления против человечества и соответствующим образом за них наказан, это позволит нам успешно реализовать функцию сдерживания. Потенциальные преступники не будут склонны себя дублировать, чтобы избежать заслуженного наказания, зная, что тип личности несет всю полноту юридической и моральной ответственности за совершаемые токенами преступления. Для них будет очевидно, что нет смысла создавать новые токены своего типа личности в надежде избежать уголовного обвинения¹².

Теория типов/токенов дает ясный и простой ответ и на пример со Стиклером: в помощи по переезду принимал участие только один тип и токен Стиклера.

Исходя из контекста, очевидно, что установленная ставка оплаты относится к токенам. Поэтому требование Стиклера заплатить ему за работу одиннадцати помощников необходимо отклонить. Мы не отрицаем, что в будущем будут существовать сразу одиннадцать токенов Стиклера, просто непосредственное участие в оплачиваемой помощи по переезду принимал только один из них.

Помогает теория типов/токенов найти ответ и в примере с вагонеткой: Судье следует спасти пять токенов и типов сектантов *He Vetvi Davigovoy* вместо одного токена и типа *Ветвящегося*. Если нашей целью является минимизация смертей среди токенов или типов, выбор очевиден. Заявление же защиты о том, что Судья нарушает принцип *stare decisis*, следует просто отклонить. Судья согласен с тем, что токен H2 не принимал физического участия в совершении преступлений против человечества. Но обвинение Нюрнбергского трибунала выдвинуто именно против типа ГИТЛЕРА и H2 — единственный выживший его токен.

Имеет смысл рассмотреть еще одно возможное возражение со стороны защиты: утверждение о том, что факт возложения на *H2* ответственности за преступления против человечества носит, строго говоря, произвольный характер, ведь если бы *H1* не покончил жизнь самоубийством, то, очевидно, именно он находился бы сейчас на месте обвиняемого. Полагаю, здесь можно дать следующий ответ: да, если бы *H1* остался жив, ему было бы предъявлено соответствующее обвинение, но это не означает, что обвинение в преступлениях против человечества не должно быть также предъявлено и *H2*. Поскольку обвинения Нюрнбергского трибунала предъявлены не отдельным токенам, а ГИТЛЕРУ как типу личности, то *H1* и *H2* в равной степени виновны в преступлениях против человечества. И поэтому оба они должны предстать перед судом.

Также есть и вопрос о том, как следует выносить решение о наказании, когда обвинение в совершении преступления предъявлено нескольким токенам одного и того же типа. Представьте, что будет, если мы поделим наказание поровну между ними. Возникнет проблема с эффективной реализацией функции сдерживания. Предположим, муж убивает свою жену в стране, где наказание за такое убийство составляет тридцать лет тюрьмы. Если до того, как мы его осудим, муж ухитрится сделать себе двадцать девять процедур дубликации, тогда каждому из его токенов придется провести в тюрьме всего лишь один год. Я думаю, в таких случаях следует отказаться от идеи деления наказания между токенами одного и того же типа. На самом деле в нашем законодательстве уже создано достаточное число прецедентов: когда трое преступников признаются виновными в убийстве одного человека, это не значит, что сроки их наказания автоматически сокращаются до десяти лет тюрьмы каждому. Скорее, дело в суде будет рассматриваться так, как если бы каждый обвиняемый нес единоличную ответственность за совершенное убийство. Поэтому каждый преступник получит здесь собственные тридцать лет тюрьмы. И на Нюрнбергском процессе токены ГИТЛЕРА *H1* и *H2* должны быть приговорены к одному и тому же полному, а не частичному наказанию¹³.

Но это вовсе не означает, что все токены одного и того же типа должны автоматически наделяться одинаковой юридической и моральной ответственностью за все совершаемые ими действия. Представьте, что в ходе штурма Берлина оба токена ГИТЛЕРА (*H1* и *H2*) остались живы, были схвачены и доставлены в Нюрнбергский трибунал. Допустим также, что за день до судебного заседания *H1* перешел улицу в неполюженном месте, а *H2* этого не делал. *H1* и *H2* виновны в преступлениях против человечества, но только *H1* виновен еще и в том, что нарушил правила дорожного движения. Различие в мерах ответственности *H1* и *H2* может быть объяснено с точки зрения разделяемой ими общей каузальной истории. Для перехода улицы в неполюженном месте ее нет, а вот для преступлений против человечества она есть.

Представленное мной решение нельзя назвать полноценной теорией тождества типов/токенов. Для этого нам необходимо ответить еще на очень многие вопросы. В частности, даже если мы признаем, что условия тождества для токенов одного типа так же просты, как условия тождества для не наделенных разумом физических объектов, у нас все равно останется масса головоломок, свя-

занных с их тождеством. Например, классический парадокс корабля Тесея показывает проблематичность формулировок условий сохранения тождества не наделенных разумом физических объектов. Так что над условиями сохранения тождества для токенов нужно еще поработать. Остаются вопросы и о том, насколько для сохранения тождества в случаях отсутствия ветвления личности необходима психологическая преемственность¹⁴. Помимо прочего, не имеем мы и детально проработанной теории тождества типов для не-личностей. Не следует забывать, что в примерах тождества *X* и *Y* как одного и того же типа песен нам придется дать ответ на вопрос, в какой степени должны быть теми же самыми текст и музыка *X* и *Y*, чтобы можно было их рассматривать в качестве тождественного типа песен. Поскольку у нас нет детально проработанной теории тождества типов для артефактов, которые не являются личностями, неудивительно, что мы должны уделять так много времени работе над условиями сохранения тождества для типов личностей. Но из факта, что у нас нет детально проработанной теории для решения всех головоломок тождества, нам не стоит делать вывод о том, что теория типов/токенов не способна найти решение для моральной и юридической дилеммы *H1* и *H2*. Наконец, остаются нерешенными и ключевые вопросы о случайных дубликатах. Представьте себе обезьян, населяющих планету в системе Альфа Центавра, которые случайным образом печатают инструкции по нанотехнологиям. Что если какая-то обезьяна случайно напечатает инструкцию, по которой с помощью нанотехнологий будет создан точный дубликат для *H1*? Будет ли такой дубликат токеном того же типа, что и *H1*? Думаю, что на эти вопросы можно дать два разных ответа и наш выбор между ними зависит от того, считаем ли мы общую каузальную историю необходимым условием для принадлежности токенов к одному и тому же типу. Если мы считаем, что она необходима, тогда точный дубликат с Альфы Центавра не является токеном типа ГИТЛЕР, ведь в этом случае у него нет соответствующей каузальной истории. Если же она не нужна, тогда точный дубликат с Альфы Центавра может считаться одним из токенов типа ГИТЛЕР. Хотя этот токен с Альфа Центавра не может быть привлечен нами к ответственности за преступления ГИТЛЕРА на планете Земля, поскольку не имеет общей каузальной истории, которая связывала бы его с преступлениями против человечества, совершенными *H1*. Я не знаю, какой именно ответ в данном случае был бы правильным. Пока нет ясности с тем, является ли общая каузальная история необходимым условием для тождества типов или нет. Что если обезьяны Альфы Центавра случайно напечатают дословный дубликат *Великого Гэтсби*, будет ли это токеном того же типа книги, что и мой собственный экземпляр *Великого Гэтсби*? Я в этом не уверен. Могу только повторить свои слова: у нас нет полноценной теории тождества типов/токенов и нам предстоит еще очень много работы.

9. Заключение. Список не решенных нами вопросов на этом не заканчивается. Например, я не рассматривал все без исключения концепции тождества личности и вопрос о том, существует ли нечто вроде 'сущности' для объектов, которые мы могли бы называть 'личностями' (в отношении чего некоторые из нас настроены крайне скептически); я также не обсуждал и то, в какой степени

метафизика тождества личности должна совпадать с условиями возложения правовой и моральной ответственности¹⁵.

Тем не менее я надеюсь, что мне удалось показать следующее:

(А) Защитники психологической теории тождества с запретом на ветвление сталкиваются с проблемой одновременной реализации функций правового (морального) возмездия и сдерживания. Данная проблема столь серьезна, что нам следовало бы пересмотреть свое отношение к оговорке о неразветвленности.

(В) Четырехмерный подход Льюиса с тезисом множественного занятия (возможно, самая известная психологическая теория тождества, которая допускает ветвление) также не лишен проблем: последовательное применение на практике либо только темпорально нагруженного тождества, либо только тождества *simpliciter*, неизбежно ведет к абсурдным результатам.

(С) Теория тождества типов/токенов, по всей видимости, отлично справляется с проблемой правового (морального) возмездия и сдерживания, избегая при этом проблем четырехмерного подхода Льюиса.

Я бы с удовольствием заявил, что теория типов/токенов применительно к вопросам тождества личности является единственной правдоподобной точкой зрения. Но такой вывод, учитывая сложность этих вопросов, находился бы за гранью эпистемических приличий. Лучше довольствоваться более скромным выводом: в будущем теория тождества типов/токенов просто обязана быть в числе кандидатов, предлагающих успешные решения вопросов реализации возмездия и сдерживания в примерах деления, в которых одна личность расщепляется на две точные копии.

Примечания

¹ Одним из наиболее известных случаев деления, обсуждаемых в философской литературе, является рассматриваемый Дерекком Парфитом пример телепорта, в котором происходит дубликация путешествующей с его помощью личности [1, p. 199–201].

² Основания для таких прогнозов заложили ранние работы Эрика Дрекслера [2, 3].

³ Определенного рода скептицизм в отношении загрузок и сознаний можно обнаружить в работах Николааса Агара [например, см.: 6].

⁴ Объединяя примеры деления и дублирования, я, конечно же, позволяю себе некоторые вольности. Между ними есть важные философские различия, но для целей исследования они не имеют значения. Примеры обоих типов предполагают необходимость апеллировать к чему-то вроде 'условия отсутствия ветвления', — и именно в этом заключается наш интерес.

⁵ С некоторой неохотой в качестве примера приходится использовать фигуру Гитлера. Как отмечает один анонимный рецензент, недостатком такого примера является наличие в массовом сознании 'эмоциональной травмы', связанной с событиями Второй мировой войны. Но для моего мысленного эксперимента важно было лишь привести пример человека, который (i) явно виновен в не имеющих оправдания массовых преступлениях и (ii) совершенные им преступления столь чудовищны, что необходимость их предотвращения в будущем (*deterrence*) вызывает острое беспокойство. Другими возможными примерами могли бы стать фигуры известных политиков, ответственных за массовые убийства, вроде Иосифа Сталина или Мао Цзэдуна, однако коллектив-

ная память о них также обременена 'эмоциональными травмами'.

⁶ Людская молва [Прим. переводчика. — В. П.].

⁷ Следуя традиции именования, которую ввел Питер Стросон [подробнее см.: 9].

⁸ В качестве имени собственного здесь используется известный английский эвфемизм — *Stickler*, обозначающий упрямых спорщиков, педантов и зануд [Прим. переводчика. — В. П.].

⁹ Используемое в тексте название вымышленной религиозной секты *No-Branch Davidians* отсылает к печально известной американской тоталитарной секте *Ветвь Давидова* (*Branch Davidians*), вошедшая в историю из-за трагических событий 19 апреля 1993 года, когда в ходе штурма сотрудниками ФБР ранчо Маунт-Кармел (недалеко от г. Уэйко, штат Техас) были убиты 76 приверженцев этой секты [Прим. переводчика. — В. П.].

¹⁰ Правовой принцип, в соответствии с которым судьи обязаны уважать прецеденты, созданные предыдущими решениями [Прим. переводчика. — В. П.].

¹¹ Впервые понятия тип и токен Пирс использовал в своей статье *Пролегомены к апологии прагматизма* (1906 г.): «Объем материала рукописи или напечатанной книги принято измерять при помощи подсчета содержащихся в них слов. Обычно на странице встречается около двадцати определенных артиклей *the*, и, само собой, они считаются за двадцать слов. Однако, в другом смысле слова 'слово', в английском языке есть всего лишь одно слово '*the*', и невозможно, чтобы это слово можно было увидеть на странице или услышать с чьего-то голоса, ибо оно не есть Единичная (*Single*) вещь или Единичное событие. Оно не существует, оно лишь детерминирует вещи, которые существуют на деле. Такую определенно значимую Форму я предлагаю называть *Типом* (*Type*). Единичное событие, которое происходит лишь однажды и чья самоидентичность (*identity*) ограничена этим единственным происшествием, или Единичный объект (или вещь), который есть в некотором единственном месте в какой-то один момент времени — такое событие и такую вещь, которые значимы лишь как имеющие место (*occurring*) только там, где они имеют место (как, например, то или иное слово в одной-единственной строке на одной-единственной странице одного-единственного экземпляра некоей книги), я возьму на себя смелость называть *Метой* (*Token*). <...> Чтобы Тип мог быть употреблен, он должен быть воплощен в Мете, которая будет знаком Типа, а поэтому и знаком объекта, который обозначается Типом» [12, p. 505–506; пер. по кн.: 13, с. 234–235; подробнее об этом см. также: 14, 15; Прим. переводчика. — В. П.].

¹² Впрочем, это не означает, что мы считаем себя всего лишь типами личностей. В ряде своих статей я уже высказывался о том, что ничто не свидетельствует об иррациональности особой заботы о конкретном токене [16, 17]. Поэтому из моей точки зрения вовсе не следует, что смерть или наказание токена не имеет никакого значения.

¹³ Вполне возможно, что некоторые или даже многие виды наказания можно при необходимости делить на части между обвиняемыми, например, такое деление оправданно в делах о реституции (материальном возмещении незаконного ущерба). Однако в делах по таким серьезным преступлениям, как убийство и изнасилование, чаще всего действуют прецеденты отказа от идеи деления наказания. Я благодарен анонимному рецензенту за это ценное замечание.

¹⁴ Одна из возможных форм таких вопросов обсуждается Льюисом в его примере существа, обладающего невероятно долгой жизнью [11, p. 65–67].

¹⁵ Идея о том, что метафизика личности может не иметь никакого значения для наших практических целей, часто высказывается Олсоном [18]. Я не поддерживаю подобные взгляды и не буду здесь давать их подробный анализ, но от себя все же замечу: если действительно существуют две совершенно независимые друг от друга концепции личности — метафизи-

ческая и практическая, — тогда нет и никаких поводов беспокоиться о том, что наказание в соответствии с принятой нами практической концепцией может быть возложено не на того, на кого его следовало бы возложить согласно требованиям нашей метафизической концепции. В конце концов вопрос о наказании имеет отношение лишь к практической концепции. Если же эти концепции не являются полностью независимыми, тогда мы обязаны оценить и объяснить характер их связи. Аналогичным образом мы могли бы сказать: если существуют две совершенно независимые друг от друга концепции онтологии, требования которых определяются только тем, рассматриваются ли соответствующие вопросы с метафизической или практической точки зрения, то в таком случае мерологическая нигилистка может иметь право на половину дома при разводе, несмотря на то, что, с метафизической точки зрения, она не верит в дома. Если же концепции онтологии не являются полностью независимыми, тогда мы обязаны объяснить, как можно, не впадая в противоречие, требовать половину дома при том условии, что никаких домов, с метафизической точки зрения, не существует. Я благодарен анонимному рецензенту за данное пояснение.

Библиографический список

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 560 p.
2. Drexler K. E. *Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology*. Garden City, New York: Anchor, 1986. 320 p.
3. Drexler K. E. *Nanosystems: Molecular Machinery, Manufacturing, and Computation*. Chichester: John Wiley & Sons, 1992. 556 p.
4. Sandberg A., Boström N. *Whole Brain Emulation: A Roadmap*. Future of Humanity Institute, Oxford University, 2008. URL: <http://www.fhi.ox.ac.uk/Reports/2008-3.pdf> (дата доступа: 01.11.2018).
5. Sandberg A. *Feasibility of Whole Brain Emulation // Philosophy and Theory of Artificial Intelligence / Ed. V. C. Müller*. Dordrecht: Springer, 2013. P. 251–264.
6. Agar N. *Ray Kurzweil and Uploading: Just Say No! // Journal of Evolution and Technology*. 2011. Vol. 22, № 1. P. 23–36.
7. Bradley F. H. *Ethical Studies*. Oxford: Clarendon Press, 1927. 344 p.
8. Rawls J. *Two Concepts of Rules // The Philosophical Review*. 1955. Vol. 64, № 1. P. 3–32. DOI: 10.2307/2182230.
9. Strawson P. F. *Chisholm on Identity Through Time (A Response) // Language, Belief, and Metaphysics / Eds.: H. E. Kiefer, M. K. Munitz*. Albany, New York: State University of New York Press, 1970. P. 183–186.
10. Парфит Д. *Тождество личности / пер. с англ. Р. Л. Кочнева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4, № 2. С. 94–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107.
11. Lewis D. *Survival and Identity // Philosophical Papers*. In 2 vols. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. 285 p.
12. Peirce C. S. *S. Prolegomena to an Apology for Pragmaticism // The Monist*. 1906. Vol. 16, № 4. P. 492–546. DOI: 10.5840/monist190616436.
13. Пирс Ч. С. *Пролегомены к апологии прагматизма / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотинной // Начала прагматизма*. Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 219–287.
14. Niklas U. *On the Type – Token Distinction in C. S. Peirce // Sign, System and Function: Papers of the First and Second Polish-American Semiotics Colloquia / Eds.: J. Pelc, T. A. Sebeok, E. Stankiewicz, T. G. Winner*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1984. P. 231–239. DOI: 10.1515/9783110824049-019.
15. Hilpinen R. *2012 Presidential Address: Types and Tokens: On the Identity and Meaning of Names and Other Words // Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 2012. Vol. 48, № 3. P. 259–284. DOI: 10.2979/trancharpeirsoc.48.3.259.
16. Walker M. *Personal Identity and Uploading // Journal of Evolution and Technology*. 2011. Vol. 22, № 1. P. 37–52.
17. Walker M. *Death, Faster-Than-Light Travel, and Einstein // Death and Anti-Death*. Vol. 13: *Sixty Years After Albert Einstein (1879–1955)* / Ed. C. Tandy. Palo Alto, CA: Ria Press, 2015. P. 1–24.
18. Olson E. T. *The Human Animal: Personal Identity without Psychology*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 200 p.

Сведения о переводчике

ПИЛИПЕНКО Владимир Алексеевич, студент гр. КСИ-21 Института математики и компьютерных наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Адрес для переписки: fjl_326@mail.ru

Источник перевода:

Walker M. *Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility // Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33, no. 2. P. 173–190. DOI: 10.1007/s13347-019-00347-w.

Ссылка на полный текст статьи:

<https://doi.org/10.1007/s13347-019-00347-w>

Для цитирования

Уокер М. Ветвление — это не баг, а фича: тождество личности и юридическая (моральная) ответственность = Walker M. *Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility / пер. с англ. В. А. Пилипенко // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 3. С. 102–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-102-115.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023 г.

© М. Уокер

BRANCHING IS NOT A BUG; IT'S A FEATURE: PERSONAL IDENTITY AND LEGAL (AND MORAL) RESPONSIBILITY

Prospective developments in computer and nanotechnology suggest that there is some possibility – perhaps as early as this century – that we will have the technological means to attempt to duplicate people. For example, it has been speculated that the psychology of individuals might be emulated on a computer platform to create a personality duplicate – an ‘upload’. Physical duplicates might be created by advanced nanobots tasked with creating molecule-for-molecule copies of individuals. Such possibilities are discussed in the philosophical literature as (putative) cases of ‘fission’: one person ‘splitting’ into two. Many philosophers, perhaps most, reject the idea of fission, appealing to some form of a ‘no-branching’ condition to rule out such possibilities. I argue, to the contrary, that there are good moral reasons to think that any account of personal identity that does not permit fission is deeply problematic, especially in connection with theorizing about criminal punishment. I discuss and reject David Lewis’ famous account of personal identity that invokes ‘multiple occupancy’ to allow for branching. In contrast, I offer an account of personal identity that permits branching using the type/token distinction to help with such puzzling cases.

Keywords: personal identity, David Lewis, nanotechnology, branching and identity, retributivism, deterrence.

References

1. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1987. 560 p. (In Engl.).
2. Drexler K. E. *Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology*. Garden City, New York: Anchor, 1986. 320 p. (In Engl.).
3. Drexler K. E. *Nanosystems: Molecular Machinery, Manufacturing, and Computation*. Chichester: John Wiley & Sons, 1992. 556 p. (In Engl.).
4. Sandberg A., Boström N. *Whole Brain Emulation: A Roadmap*. Future of Humanity Institute, Oxford University, 2008. URL: <http://www.fhi.ox.ac.uk/Reports/2008-3.pdf> (accessed: 1.11.2018). (In Engl.).
5. Sandberg A. *Feasibility of Whole Brain Emulation // Philosophy and Theory of Artificial Intelligence / Ed. V. C. Müller*. Dordrecht: Springer, 2013. P. 251 – 264. (In Engl.).
6. Agar N. *Ray Kurzweil and Uploading: Just Say No! // Journal of Evolution and Technology*. 2011. Vol. 22, no. 1. P. 23 – 36. (In Engl.).
7. Bradley F. H. *Ethical Studies*. Oxford: Clarendon Press, 1927. 344 p. (In Engl.).
8. Rawls J. *Two Concepts of Rules // The Philosophical Review*. 1955. Vol. 64, no. 1. P. 3 – 32. DOI: 10.2307/2182230. (In Engl.).
9. Strawson P. F. *Chisholm on Identity Through Time (A Response) // Language, Belief, and Metaphysics / Eds.: H. E. Kiefer, M. K. Munitz*. Albany, New York: State University of New York Press, 1970. P. 183 – 186. (In Engl.).
10. Parfit D. *Tozhdestvo lichnosti [Personal Identity] / trans. from Engl. R. L. Kochnev // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 94 – 107. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107. (In Russ.).
11. Lewis D. *Survival and Identity // Philosophical Papers*. In 2 vols. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. 285 p. (In Engl.).
12. Peirce C. S. *Prolegomena to an Apology for Pragmatism // The Monist*. 1906. Vol. 16, no. 4. P. 492 – 546. DOI: 10.5840/monist190616436. (In Engl.).
13. Peirce C. S. *Prolegomeny k apologii pragmatizma [Prolegomena to an Apology for Pragmatism] / trans. from Engl. V. V. Kiryushchenko, M. V. Kolopotina // Nachala pragmatizma [The Origins of Pragmatism]*. St. Petersburg, 2000. P. 219 – 287. (In Russ.).
14. Niklas U. *On the Type–Token Distinction in C. S. Peirce // Sign, System and Function: Papers of the First and Second Polish-American Semiotics Colloquia / Eds. J. Pelc, T. A. Sebeok, E. Stankiewicz, T. G. Winner*. Berlin: De Gruyter

Mouton, 1984. P. 231–239. DOI: 10.1515/9783110824049-019. (In Engl.).

15. Hilpinen R. 2012 Presidential Address: Types and Tokens: On the Identity and Meaning of Names and Other Words // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 2012. Vol. 48, no. 3. P. 259–284. DOI: 10.2979/trancharpeirsoc.48.3.259. (In Engl.).

16. Walker M. Personal Identity and Uploading // Journal of Evolution and Technology. 2011. Vol. 22, no. 1. P. 37–52. (In Engl.).

17. Walker M. Death, Faster-Than-Light Travel, and Einstein // Death and Anti-Death. Vol. 13: Sixty Years After Albert Einstein (1879–1955) / Ed. C. Tandy. Palo Alto, CA: Ria Press, 2015. P. 1–24. (In Engl.).

18. Olson E. T. The Human Animal: Personal Identity without Psychology. Oxford: Oxford University Press, 1997. 200 p. (In Engl.).

About the translator

PILIPENKO Vladimir Alekseyevich, Undergraduate Student gr. KSI-21, Institute of Mathematics and Computer Science, Tyumen State University, Tyumen. Correspondence address: fjl_326@mail.ru

For citations

Walker M. Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility / trans. from Engl. V. A. Pilipenko // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 102–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-102-115.

Received February 24, 2023.

© M. Walker